

**ПЕРСПЕКТИВЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРОВ и
СТАБИЛИЗАЦИИ ОБСТАНОВКИ в ЮВА в СВЕТЕ НОВЫХ
ЯВЛЕНИЙ в МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ и ЭКОНОМИКЕ***

Ушедший в историю XX век характеризовался множеством конфликтов, основанных на территориальных спорах и претензиях различных стран или групп стран друг к другу. Интенции и планы территориальных переделов локального, регионального, субглобального и глобального масштаба сыграли роль важнейшей причины и поводов для развязывания Первой и Второй мировых войн.

Взаимные неурегулированные территориальные претензии приводили к полномасштабным вооруженным конфликтам и после Второй мировой войны. Достаточно упомянуть четыре уже войны между Израилем и его арабскими соседями, кровопролитные индийско-пакистанские войны из-за Кашмира и других спорных территорий, ожесточенную войну 1982 г. между Аргентиной и Великобританией за Фолклендские/Мальвинские острова, многолетнюю опустошительную Ирано-Иракскую войну 1980-1988 гг.

Все эти территориальные споры неразрешенными перешли и в XXI столетие. Кроме того, немалое число тлеющих территориальных конфликтов и ныне существует в различных регионах Европы, Азии, Африки, Латинской Америки и Океании. Причем серьезную дополнительную энергетику им сейчас придает происходящее в мире в последние полтора-два десятка лет обострение борьбы за различные возобновляемые и невозобновляемые природные ресурсы¹.

Нельзя в связи с вышесказанным не отметить, что самые тугие в современном мире узлы территориальных споров и конфликтов по-прежнему приходятся на Дальний Восток, Юго-

* Доклад, представленный на II Международной конференции «Безопасность и сотрудничество в ЮКМ: актуальные проблемы и урегулирование конфликта», Москва, 18 июня 2015 г.

Восточную и Южную Азию. Односторонние, двусторонние и многосторонние претензии на те или иные территории, связывавшие в XX столетии «прочными узами» Японию, Россию, КНДР, Южную Корею, КНР, Вьетнам, Камбоджу, Тайвань, Филиппины, Бруней, Индонезию, Индию, Пакистан – не просто перешли в XXI век², но они, со всей очевидностью, проявляют в последнее время даже тенденцию к усилению. Нетрудно предположить, что отношения эти, вероятнее всего, и в дальнейшем будут периодически переживать фазы обострения. Причём не только вследствие роста ресурсной привлекательности спорных территорий, но и по геополитическим причинам.

Наиболее же высокая в современном мире «удельная плотность» неразрешенных территориальных претензий характеризует с начала XXI века регион Южно-Китайского (Восточного, по современной вьетнамской терминологии) моря. В эпицентре давних территориальных споров Вьетнама, КНР, Филиппин, Малайзии, Тайваня, Брунея находятся Парасельские острова и архипелаг Спратли Южно-Китайского моря. Главная причина этого – обнаруженные там нефтегазовые месторождения, объёмы которых, по мнению некоторых экспертов, сопоставимы с ресурсами Кувейта или Объединённых Арабских Эмиратов³.

Дабы начать урегулирование этих споров, страны-члены АСЕАН и КНР на саммите АСЕАН в 2002 г. подписали Декларацию о поведении сторон в Южно-Китайском море, согласно которой все действия заинтересованных сторон должны были быть направлены на мирное решение спорных проблем. Но несмотря на примирительный тон Декларации 2002 г., КНР де-факто продолжала и после ее подписания проводить линию, сформулированную в статье 14 Закона об исключительной экономической зоне, опубликованного 26 июня 1998 г. Данная статья гласит: «Положения этого закона не должны ставить под сомнение историческое право, которое осуществляла Китайская Республика» в омывающих ее морях⁴. Однако, первые лица китайского государства чаще всего предпочитали либо вообще не касаться территориальных споров с соседями КНР, либо, даже если и высказывались на данную тему, то использовали при этом только довольно абстрактные и туманные выражения неконфронтационного свойства. Вообще, следует это подчерк-

нуть, неизменным в их публичных выступлениях на щекотливую тему отношений Китая с соседями по региону Южно-Китайского моря было и остается оптимистическое видение будущего.

Так, в совместном коммюнике, подписанном 1 июня 2008 г. по итогам очень успешного 4-х дневного визита Генерального секретаря Компартии Вьетнама в КНР подчёркивалось, что обе стороны договорились о развитии стратегического партнерства и всестороннего китайско-вьетнамского сотрудничества в соответствии с принципами «добрососедства, всестороннего сотрудничества, долговременной стабильности и хороших перспектив на будущее»⁵.

Но, парадоксальным внешне образом, параллельно с провозглашением руководством КНР столь обязывающих принципов добрососедства и стратегического партнерства укреплялся также курс на одностороннее решение в свою пользу территориальных споров с сопредельными странами. Не прошло и года после подписания указанного китайско-вьетнамского коммюнике, как Китай направил 7 мая 2009 г. ноту в Секретариат ООН о своих исключительных правах на Южно-Китайское море. В соответствии с провозглашенной им линией так называемых «9 тире» (или «коровьего языка») почти всё Южно-Китайское море объявлялось подведомственной КНР территорией, входящей в её юрисдикцию⁶.

У прибрежных стран – Вьетнама, Малайзии, Брунея, Филиппин и даже у более отдалённой Индонезии – линия «коровьего языка» отрезала огромные куски гарантированной Конвенцией ООН 1982 г. по морскому праву исключительной 200-мильной экономической зоны и континентального шельфа. Нота и последовавшие за ней действия китайских властей – сооружение на островах и рифах архипелага Спратли маяков и каменных знаков, свидетельствующих о принадлежности территории КНР, запреты в мае 2011 и 2012 гг. на рыболовство в Южно-Китайском море, провокационный досмотр кораблей прибрежных стран, препятствование их геолого-разведочным работам и одностороннее объявление тендеров на разработку нефтегазовых месторождений шельфа – вызвали ответную реакцию⁷.

Последовали ноты протеста Вьетнама, Филиппин, Индонезии, Малайзии в ООН и китайскому МИД, митинги и манифестации, пресс-конференции, совместные заявления о свободе судоходства в Южно-Китайском море и даже демонстративные военно-морские манёвры⁸. В ответ на действия Китая, Вьетнам 13 июня 2011 г. обнародовал Указ премьер-министра Нгуен Тан Зынга о призыве военнослужащих в случае обострения конфликта с Китаем, а 21 июня 2012 г. Национальное собрание Вьетнама приняло «Закон о море», в котором Парасельские острова (Хоангша) и архипелаг Спратли (Чыонгша) определены как территории, находящиеся под суверенитетом и юрисдикцией Вьетнама⁹.

Подобно КНР, активнейшим образом использующей для обоснования территориальных претензий к соседям историческую картографию, Вьетнам, равно как и другие страны региона, обосновывая свой суверенитет над Парасельскими островами и архипелагом Спратли, также апеллирует к большой совокупности исторических данных. От навигационных карт западных мореплавателей XVI – XVIII вв. – до правоприменения данного суверенитета от Франции, чьей колонией до 1954 г. был Вьетнам¹⁰.

Поскольку ссылки на историческую картографию в территориальных спорах выступают основным доводом в обоснование прав на те или иные территории, то нельзя не отметить, что сами по себе карты – лишь *один из 3-х международно-признанных критериев*, позволяющих признать принадлежность конкретной морской территории той или иной стране. ООН в 1962 г. утвердила эти критерии:

- 1) фактический опыт управления определённой морской территорией;
- 2) его непрерывность;
- 3) отношение мирового сообщества к заявленным страной правам¹¹.

Итак, в свете критериев ООН как международной организации с общепланетарной легитимностью, заявляемые КНР права на Южно-Китайское море в рамках линии «9-ти тире» и на острова в пределах данной линии, выглядят следующим образом. Действительно, на протяжении истории власти Китая осу-

ществляли управление некоторыми островами, однако управление это отнюдь не было *непрерывным*.

Второе. Управляя некоторыми островами, китайские власти при этом определённо не контролировали большую часть самого Южно-Китайского моря, вследствие чего *свобода навигации и рыболовства* для кораблей других стран *не были в нём ограничены*. Третье. Регулярные антикитайские протесты последних лет в целом ряде государств, вызванные действиями китайских властей, свидетельствуют о том, что для прибрежных государств осуществление заявленных КНР прав на суверенитет над большей частью Южно-Китайского моря и островами в его акватории – *неприемлемо*.

Следовательно, заявленные КНР права на свой суверенитет над Южно-Китайским морем и островами в его акватории по линии «9-ти тире», отвечают отчасти лишь первому из трёх основных критериев. Но, в то же время, двум другим критериям – они явно не отвечают.

Коль позиции сторон территориального спора не только не сближаются, но в последние годы – еще больше расходятся, то каким видится дальнейшее развитие событий в этом конфликтном регионе в средне – и долгосрочной перспективе?

Принимая во внимание как жёсткую неуступчивую позицию Китая, так и категорическое настаивание на своих законных интересах его контрагентов по территориальному конфликту, аналитическое сообщество и политики в общем-то весьма пессимистично смотрят на возможность решения этих давних споров, которое учитывало бы интересы всех участвующих в конфликте сторон. Что остается говорить, если, с одной стороны, высшее китайское руководство регулярно заверяет своих соседей о неизменности курса на поддержание с ними всесторонних отношений и дальнейшее их развитие по формуле «добрые соседи, добрые друзья, добрые товарищи и добрые партнёры»¹². С другой же – КНР продолжает в то же самое время, в частности, сооружать ударными темпами мощную военную базу на архипелаге Спратли (о.Наньша). Невзирая на то, что он определяется вьетнамским «Законом о море» как «территория, находящаяся под суверенитетом и юрисдикцией Вьетнама»¹³.

Пессимизм аналитиков сам собою объясняется также и тем важным обстоятельством, что кроме китайских и вьетнамских военных подразделений, целый ряд спорных островов занимают также и подразделения Филиппин, Малайзии, Тайваня (один из островов не прочь был бы занять и Бруней)¹⁴. Понять здесь аналитиков можно: ведь согласно известному театральному поверью, ружьё, показанное в первом акте, в третьем – должно выстрелить...

Теперь, что касается нашего видения возможных сценариев раскручивания спирали территориальных споров в рассматриваемом регионе. Прежде всего, как бы мы ответили на вопрос: «Какова вероятность, что «ружьё», находящееся в нем – через какое-то время-таки выстрелит?». Нам это кажется маловероятным. Почему?

Выскажем наши соображения. Конечно, тамошняя ситуация и нам представляется весьма драматичной. Причём вероятность дальнейшего её обострения следует определить как достаточно высокую. Вместе с тем, «градус» драматизма при описании действий сторон конфликта некоторыми аналитиками, на наш взгляд, всё-таки серьезно завышается. В частности, явным преувеличением представляется употребление исследователями, при описании событий в Южно-Китайском море и на его островах, терминов «морские бои», «морские сражения» или же «морские баталии»¹⁵.

В самом деле, если бы описывались такие события (уже довольно давние), как вооружённые столкновения китайских и вьетнамских подразделений на Парасельских островах и у рифа Фаери Кросс в 1974 и 1988 гг., или же вытеснение китайскими военными филиппинцев с рифа Мисчиф в 1995 г., то употребление указанной терминологии было бы, пожалуй, объяснимо. Впрочем, американский специалист по Китаю профессор П. Даттон даже эти вооружённые столкновения назвал «серией инцидентов»¹⁶.

Но если речь в действительности идёт о китайских катерах, которые перерезают кабели на вьетнамских кораблях, ведущих нефтеразведку в оспариваемом обеими странами районе, а также о досмотре китайцами задерживаемых в спорных водах вьетнамских рыболовецких судов, либо об аналогичном досмотре

филиппинцами судов китайских – то такие события на определение «морские сражения», ясно, не дотягивают. Для сравнения: военные действия 1982 г. Великобритании и Аргентины на Фолклендах/ Мальвинах – вот это и есть именно «морские сражения».

Стоит ли практиковать «терминологическую драматизацию», анализируя действительно весьма напряжённую обстановку в районе Южно-Китайского моря? Такая драматизация тоже ведь вносит определённый вклад в формирование, как у политического класса стран региона, так и у международного аналитического сообщества, сугубо пессимистического представления о возможности разрешения острейших территориальных споров здесь.

Автору этих строк кажутся вполне различимыми составляющие особого драматизма территориальных конфликтов между странами, прилежащими к Южно-Китайскому морю. *Первое*. Не должно быть никаких иллюзий по поводу вероятности прекращения руководством КНР деятельности по «закреплению» за Китаем морской акватории в рамках «линии 9 тире» и территорий, на которые он, в соответствии с нотой 7.05. 2009 г. в Секретариат ООН, распространил свой суверенитет. Между прочим, возможности для проведения в жизнь этого курса кардинально расширит и будущая мощная военная база на о. Наньша.

Главный мотив китайской политики «закрепления» – ресурсное обеспечение для быстрого экономического развития страны. Как показали проведенные в конце XX – начале XXI столетия геологические изыскания, рассматриваемый регион очень богат возобновляемыми и невозобновляемыми ресурсами, прежде всего, углеводородами.

В последние полтора-два десятилетия КНР вообще развернула активнейшую деятельность по экономическому закреплению во многих богатых минерально-сырьевыми ресурсами странах¹⁷. Складывается впечатление, что для властной элиты современного Китая экономическая экспансия по всем возможным азимутам – отнюдь не средство для дальнейшей инкорпорации той или иной страны, даже, когда речь идёт о его соседях, а *самодостаточная* цель. И не их территории сами по себе, как пишет известный российский экономист академик Н.П. Шмелёв,

интересуют Китай, «а во-первых, возможности укрепления его энергосырьевой и водной базы, включая активное участие в разработке ресурсов..., во-вторых, новые рынки для его традиционной, а теперь и высокотехнологичной продукции, в-третьих, облегчение условий, причём повсюду в мире, для миграции наиболее подвижной части его населения в поисках занятости и сфер приложения своих капиталов»¹⁸.

Методичность и последовательность китайцев в проведении взятого ими курса на расширение своего экономического присутствия в ресурсно-перспективных странах дали зримые и просто поразительные результаты в удивительно короткие, по меркам истории, сроки.

Как отмечает в своей статье исполнительный директор службы инвестиций агентства «Moody's» Л. Винас де Соуза, за период с 2004 по 2010 г. «Китай совершил скачок практически с нулевой отметки до почти 5% от совокупного притока прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Латинскую Америку (выделено мною – О.Б.)»¹⁹. Феноменально быстро продолжает расти и также и доля экспорта в КНР из этого огромного региона.

В западных странах уже с нескрываемым беспокойством воспринимают то, как КНР сумела, совершенно неожиданно для них, установить свой «мягкий» контроль над значительной частью минерально-сырьевой базы африканского континента. Ведь Китай сейчас стал даже «самым важным рынком для экспорта из стран Африки Южнее Сахары»²⁰. В этот же регион ПИИ Китая в период с 2004 по 2010 г. выросли в 3 раза, а развивающиеся страны Азии – даже в 10 раз!²¹

Не менее красноречивым примером результативности китайской стратегии экономического проникновения может служить освоение минерально-сырьевой базы Монголии. После распада Советского Союза эта страна, предоставленная сама себе, вынуждена была переориентироваться на всестороннее сотрудничество с бурно развивающимся Китаем. Последний, в считанные годы становится, без преувеличения, эксклюзивным партнёром Монголии, развернувшим её внешнеторговый вектор в противоположном направлении. Потенциал монгольских недр – исключительно высок: более чем 800 месторождений примерно 80-ти с лишним видов полезных ископаемых, среди которых

и *самое большое* в мире месторождение высококачественного каменного угля.

Впечатляюще быстро происходила массивованная китайская экономическая экспансия также в экс-советские государства Центральной Азии и Казахстан. На очереди – выходящая из изоляции и обладающая богатыми минерально-сырьевыми ресурсами Мьянма.

Важно отметить, что по результатам финансово-экономического проникновения Китая в ресурсно-перспективные страны – не он единственный становится бенефициаром. В действительности, то, что группу «заинтересованных» в разработке минерально-сырьевых ресурсов пополняют, начиная с 1990-х гг., государства бывшего «второго» (т.е. социалистического) и «третьего» мира – повышает уровень конкурентности в данной сфере. Это, в результате, обеспечивает развивающимся странам более приемлемые для них варианты *взаимовыгодной* разработки их полезных ископаемых²². Следовательно происходит преодоление прежней «классической» модели неокOLONиального проникновения экс-метрополий в бывшие колонии.

Далее, принципиальное значение в этом контексте имеет и то, что у правящих элит и населения «принимающих государств» в отношении к таким странам бывшего «второго» и «третьего» мира, как Китай, нет постколониального синдрома. Кроме того, набирающая силу общемировая тенденция к плюрализации путей экономического, политического и социального развития уже сама по себе ведёт к увеличению набора более выгодных для развивающихся ресурсно-перспективных стран вариантов освоения их недр.

Второе. 10 лет назад автор этих строк, анализируя через призму геополитики и демографии «синдром китаебоязни», отчётливо проявившийся уже тогда в России и во многих других странах²³, образно охарактеризовал экономическое освоение китайцами мира «перековкой мечей на орала»²⁴. Поясним, что употребление такого образа было тогда продиктовано тем, что, наряду с форсированным проникновением на мировые рынки, КНР к тому времени уже более 10 лет не прибегала к примене-

нию грубой военной силы в отношении своих соседей (как это имело место в конце 1960-х и 70-е гг., в 1988 и 1995 гг.)

Истёкшее десятилетие показало, что китайское экономическое чудо смогло обеспечить не только собственно экономический рывок страны, но и начать широкомасштабное перевооружение НОАК. Образно выражаясь, и «перековку» старого, и «ковку» нового. Как собственными силами, так и оплату «ковки» импортируемых вооружений (главным образом, из России).

Трудно, в связи с этим, удержаться от вопроса: не является ли все это проявлением столь ругаемого руководителями КНР гегемонизма? На наш взгляд, определённо не является. Прагматическое видение мира современным китайским руководством подсказывает ему, что в нынешней полицентричной системе международных отношений одна лишь экономическая мощь не в состоянии гарантировать той или иной стране уважение другими странами или союзами ее национальных интересов. Обеспечить таковые может только сочетание высокого уровня экономики с военно-политическим потенциалом. За конкретным примером Китаю ведь далеко ходить не надо: соседка Япония, будучи экономическим гигантом, играет весьма скромную и просто подчинённую роль в системе международных отношений (несмотря даже на то, что она входит в «семёрку» и в «двадцатку»).

Третье. Официальная военная доктрина КНР, представленная совсем недавно мировым масс-медиа, сформулирована как сугубо оборонительная. В ней применение китайских вооружённых сил допускается только в случае военного нападения на КНР другой страны. Понятно, что при этом трактовать те или другие действия другого государства можно достаточно произвольно. К примеру, в случаях, когда и одно и другое настаивают на своём суверенитете над спорной территорией.

Возьмём, в частности, о. Наньша, на котором КНР сооружает свою военную базу, совершенно игнорируя давно уже заявленные Вьетнамом права на него. Вполне ведь можно представить, что определённые действия Вьетнама в этом районе могут спровоцировать китайцев на силовые действия, способные перевести этот давний конфликт из «холодной» в «горячую» фазу.

Думается, однако, что Китай на это всё-таки не пойдёт. Во-первых, прагматичный подход к международной политике нынешних руководителей КНР получил уже очень широкое признание в мире, и они весьма дорожат тем новым международным экономическим климатом, который сложился благодаря заслугам их страны в обеспечении эффективной стратегии «договорящего развития». Во-вторых, это маловероятно и потому, что именно Вьетнам является главным контрагентом Китая по территориальным спорам в регионе Южно-Китайского / Восточного моря. Ведь на протяжении XX века Вьетнам сумел *трижды* продемонстрировать, можно сказать, *хрестоматийную* негибкость: и перед французами, и перед американцами и перед теми же китайцами. На войну образца 1979 г. против Вьетнама Китай уже не пойдет.

¹ Буховец, 2014.

² Причем, нелишне в связи с этим подчеркнуть, что Япония имеет территориальные споры вообще *со всеми* своими соседями...

³ Нгуен Куок Хунг, 2013.

⁴ Ge'ne'ral Daniel Schaeffer, 2013. С. 245,251.

⁵ Ge'ne'ral Daniel Schaeffer, 2013. С. 249.

⁶ «Cow-Tongueline» – Anirrational Claim, 2013. С. 164.

⁷ Нгуен Куок Хунг, 2013.

⁸ Нгуен Куок Хунг, 2013; Nguyen Hong Thao, 2013. С. 311 – 332.

⁹ Нгуен Куок Хунг, 2013.

¹⁰ Vietnam's Sovereignty...2013. P. 53 – 96; Ge'ne'ral Daniel Schaeffer, 2013. С. 251.

¹¹ Erik Franckx, Marko Benatar, 2013. С. 182.

¹² Ge'ne'ral Daniel Schaeffer, 2013. С. 250.

¹³ Нгуен Куок Хунг, 2013.

¹⁴ Ge'ne'ral Daniel Schaeffer, 2013. С. 252 – 253.

¹⁵ Нгуен Куок Хунг, 2013.

¹⁶ Peter Dutton, 2013. С. 209.

¹⁷ Очень важно в связи с этим отметить, что в опубликованной на днях (26.05.2015) «Белой книге по обороне КНР» усиление борьбы за ресурсы в мире определено *как одна из трех вероятных причин* возможного начала третьей мировой войны

[www.fmprc.gov.cn/rus/wwfw/fyrth/.../t1269200.shtml].

¹⁸ Шмелёв, 2006. С. 12 – 13. Правда, Шмелёв делает при этом одну очень существенную для рассматриваемой нами темы оговорку. Говоря о том,

что исторически Срединной империи не было свойственно стремление к *собственно* территориальной экспансии, он отмечает, что единственным исключением является политика Китая к Индокитаю [Шмелёв, 2006. С. 12]. Ниже мы выскажем наше мнение по поводу этой оговорки.

¹⁹ Л. Винас де Соуза, 2013. С. 79.

²⁰ Л. Винас де Соуза, 2013. С. 78.

²¹ Л. Винас де Соуза, 2013. С. 79.

²² Хорошей на этот счёт иллюстрацией может служить, в частности, недавний пересмотр в пользу Габона и Камеруна условий разработки их полезных ископаемых китайскими горнодобывающими компаниями.

²³ На «круглом столе» телеканала РБК, состоявшемся в начале июня 2015 г. и посвящённом Центральной Азии, китайский аналитик Ян Чэнь признал, что в настоящее время страхи по поводу Китая – вообще весьма распространённое в мире явление.

²⁴ Буховец, 2006. С. 40.